

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ О.Г. ЧУХОНЦЕВА И Ю.М. КУБЛАНОВСКОГО: РАЗЛИЧИЯ И ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Артем Эдуардович Скворцов

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)

e-mail: bireli@inbox.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3065-311X>

Аннотация. В статье дается общая характеристика ряда важных социокультурных и эстетических проблем русской поэзии 2010–2020-х гг. На фоне новейших тенденций рассматриваются позиции О.Г. Чухонцева (р. 1938) и Ю.М. Кублановского (р. 1947), крупнейших современных русских поэтов.

Основными проблемами современной русской поэзии являются дезинтеграция культурного пространства и депрофессионализация значительной части пишущих. Занимающиеся словесностью люди разделены на разнородные замкнутые группы. Они собираются вокруг журналов, издательств, фестивалей, творческих союзов, сетевых ресурсов, блогов, чатов, ТГ-каналов и т. д. В результате общее литературное пространство распадается на мало связанные друг с другом фрагменты. Одновременно с этим в эпоху цифровизации усиливается тенденция к литературному дилетантизму. Большинство начинающих поэтов плохо знают творчество предшественников, слабо ориентируются в истории литературы и пишут примитивно, не стремясь к эстетической эволюции.

В настоящее время существует не так много авторов, осознанно преодолевающих фрагментацию русского поэтического пространства. Они выступают посредниками между предшествующей традицией и современным драматичным состоянием культуры. Их творчество отвечает ряду признаков: осознание безусловной ценности традиции, высокий уровень стиховой культуры, ответственное отношение к письму, постановка сложных эстетических задач и т. д.

В качестве показательных примеров подобных фигур в статье рассматриваются О.Г. Чухонцев и Ю.М. Кублановский. Сопоставляются общие черты литературных биографий и поэтик этих двух поэтических мастеров. Несмотря на то, что творческие пути авторов пересекались, а их социокультурные позиции имеют существенно важные точки соприкосновения, две эти фигуры в критике и литературоведении не сблизились.

В финальной части работы дается анализ двух произведений поэтов, объединенных общностью тематики и проблематики.

Ключевые слова: О.Г. Чухонцев, Ю.М. Кублановский, традиция, поэтика, композиция, аллюзии, скрытый смысл

В настоящий период, когда в отечественной поэзии нет доминантного течения, а художественные установки любой поэтической группы могут быть аргументированно оспорены с позиций иных идейных и эстетических представлений, особый статус приобретают отдельные авторы, стремящиеся к художественной цельности на основе синтеза культурных форм и смыслов предшественников. Их можно назвать подлинными поэтическими профессионалами.

Профессионалом вовсе не обязательно является тот, кто регулярно пишет стихи и, возможно, даже обеспечивает ими свое материальное существование (сейчас подобных авторов в России единицы). Профессионал может писать крайне мало или подолгу ничего не писать вообще, но он понимает контекст: в какую систему культурных связей встраивается, с кем вступает в диалог, кому начинает оппонировать, кто ему близок / не близок в эстетическом смысле.

Одной из наиболее острых проблем современного поэтического пространства является его дезинтеграция. В последние два десятилетия пишущие стихи утратили вкус к публичным и заочным дискуссиям и крайне редко инициируют открытые профессиональные споры об эстетических проблемах. Стихотворцы разделились на разнородные замкнутые группы, собираясь вокруг журналов, издательств, фестивалей, творческих союзов, сетевых ресурсов, блогов, чатов, ТГ-

каналов и т. д. Разделительных линий между ними много: это и поколенческие барьеры, и культурные, и политические. Помимо того, существуют расхождения, обусловленные привычками и вкусовыми пристрастиями: например, вопрос о том, где публиковаться и что вообще считать публикацией – бумажные или сетевые издания.

В результате в большинстве своем авторы слабо интересуются, чем заняты соседи по общему литературному пространству, довольствуясь знаниями о своем «информационном коконе». Соответственно, сам факт существования подобной общности вызывает все больше сомнений.

На подобном фоне фигуры, осознанно преодолевающие фрагментацию современного русского поэтического пространства, естественным образом становятся связующими звеньями между представителями множества писательских и читательских объединений. Вокруг них возможно выстраивание некой иерархии и обозначение определенной аксиологии. На таких авторов ложится особая ответственность – быть посредниками между предшествующей традицией и современным состоянием культуры, когда большинство пишущих либо усомнилось в возможности синтетического художественного акта, либо вообще не стремится к такой цели.

На рубеже XX–XXI вв. известны немногие поэты, авторитет которых признается зача-

стую не только их сторонниками, но и представителями иных групп (если не всех, то хотя бы некоторых).

Культурная деятельность таких авторов отвечает следующим критериям:

1. *Демонстрация глубокого интереса к поэтической традиции.* Этот интерес предполагает наличие обширных знаний в области поэзии, в первую очередь отечественной. Современный ответственный стихотворец обязан знать объемный корпус поэтических текстов, как минимум из русской поэзии XVIII–XX вв. (условно говоря, несколько сотен имен от Кантемира и Державина до Ахматовой и Бродского). Знание это должно быть не начитанными и схоластическим, а личностным и полемическим: классические тексты – не музейные экспонаты, они развивающиеся, живые культурные феномены.

2. *Обладание высокой стиховой культурой.* Цеховые навыки и версификационное мастерство, свободное владение различными системами стихосложения, метрами, размерами, строфикой, фоникой, просодией в целом, а также языком и стилем является обязательным, неотъемлемым условием поэтического профессионализма. Поэту желательно иметь и стиховедческий багаж, поскольку отечественная филологическая наука за почти три века накопила массу полезных и необходимых стихотворцу знаний и навыков, без которых современный пишущий стихи субъект будет «низкотехнологичен».

3. *Предъявление сложившейся поэтики, узнаваемого стиля.* Зрелый мастер в большинстве случаев обладает подобным качеством, его творческий почерк может угадываться по микрофрагменту (иногда по одной строке, строфе или синтаксическому периоду). Любая поэтика строится на определенном ограничении выразительных средств, и чем осознанней отбирается автором инструментарий (тут важно не только то, что есть у поэта, но и то, что он игнорирует), чем этот инструментарий продуктивнее, тем эстетически убедительней выглядит та или иная манера письма.

4. *Постановка определенных эстетических задач.* Это естественное следствие контекстуального мышления. Сложившийся мастер всегда мыслит себя не одиночкой в культурном вакууме, а звеном в цепи той или иной традиции. Соответственно, он стремится соотносить любое свое новое высказывание с уже существующими достижениями предшественников, важных для него коллег-современников и со своими прежними опытами. Ответственный поэт не желает писать инерционные стихи – то есть такие, которые лишь воспроизводят уже найденное и растиражированное, но не привносят в поэзию ничего оригинального.

5. *Соотнесение принципа оригинальности с принципом универсальности.* Стремление быть оригинальным естественно для любого творческого человека, воспитанного в ев-

ропейской традиции, начиная как минимум с эпохи романтизма. Этот принцип по сию пору часто воспринимается с определенным «перекосом», как тяготение к крайней индивидуализации и как едва ли не высшая (а подчас и единственная) эстетическая ценность. Однако предельная оригинальность может войти в противоречие с универсальностью – желанием быть обращенным к максимально широкому кругу потенциальных читателей (что вовсе не предполагает обязательного снижения вкусовой планки и примитивизации). Зрелый поэт стремится гармонично сочетать индивидуальность стиля с обобщенностью «мессиджа».

6. *Публикации в периодике и выпуск книг в издательствах.* В нынешней социокультурной ситуации, когда опубликовать тем или иным способом практически любой текст не представляет труда, заметно возрастает ценность понятия культурной площадки. Важным становится не только конкретный поэтический факт, но и то, где и как он предъясняется, и к какой аудитории обращен. Одно дело – вывешивать свои стихи на личных страницах в соцсетях для френдов или отправлять их на безразмерные дилетантские сайты ради неведомого адреса и другое дело – печатать их в изданиях с определенной репутацией, где имеется экспертная оценка, редаKTура и более или менее отобранная читательская аудитория. Конечно, ни одно подобное «сито» не идеально,

однако профессиональный автор не только в принципе не опасается прохождения через конкурсный отбор, но и в какой-то степени даже рассчитывает на квалифицированный взгляд со стороны. Поэтому публикации в давно зарекомендовавших себя в профессиональной среде издательствах и периодике с историей и бэкграундом – нормальная практика для зрелого поэта.

7. *Ощутимое влияние на современников, преимущественно представителей младших поколений.* Как уже приходилось отмечать, «сам факт того, что новые поколения авторов обращаются к наследию Икса, – убедительный индикатор качества свершенного им в культуре. Художник не враг самому себе, он не станет сознательно брать у другого автора нечто негодное. И уж коли он заимствует что-то у старшего коллеги, то это высшая форма признания уровня сделанного предшественником <...>» [Скворцов 2021: 200].

8. *Интерес читателей и критиков.* Устойчивое внимание современной поэту аудитории, особенно профессиональной, – немаловажный (хотя и не всегда обязательный) признак масштаба того или иного автора.

9. Можно было бы добавить еще один пункт – *наличие литературных премий и прочих знаков отличия*, но он факультативен, поскольку не является бесспорным индикатором художественной значимости и важен не столько эстетически, сколько социокультурно, как результат ситуативно-

го признания конкретных авторов той или иной частью литературного сообщества.

Среди немногих конвенциональных и важных фигур в современной русской поэзии – Олег Григорьевич Чухонцев (р. 1938) и Юрий Михайлович Кублановский (р. 1947). Оба современные живые классики, при этом стоящие наособицу в литературном пространстве. Однако между ними есть ряд важных сходств, и, насколько можно судить, социокультурные позиции поэтов доселе не сопоставлялись.

Обозначим кратко точки схождения поэтов и различия между ними.

Оба автора провинциального происхождения, оба проявили необычайно раннюю поэтическую зрелость, фактически уже к двадцати годам обретая собственный голос, стиль и устойчивую систему тем и мотивов, оба были внеположны советской эстетике, частично (Чухонцев) или полностью (Кублановский) отсутствуя в подцензурной литературе, оба изначально сознательно ориентировались на внесоветский и досоветский литературный и культурный контекст, обоим свойственна отдельность и неписываемость в какие бы то ни было формальные объединения.

Чухонцев и Кублановский всегда проявляли тяготение к почвенной идеологии, но без отторжения высших образцов западной культуры, а также глубокий интерес к истории и религиозной философии. Оба – поэты,

обладающие широким, индивидуальным и богатым словарем, для обоих принципиально важно создавать самодостаточные поэтические творения.

Немаловажны и биографические пересечения, прежде всего – работа в журнале «Новый мир». Кублановский был заведующим отделом критики и публицистики (1995–2000), и оба в разные периоды заведовали отделами поэзии: Чухонцев с 1987 по 2000, Кублановский с 2000 по 2010. Наконец, авторы уважительно отзывались друг о друге, в том числе и печатно. Так, критик и литературовед П.М. Крючков, вослед за обоими возглавивший с 2010 г. отдел поэзии «Нового мира», в статье в честь 80-летнего юбилея Чухонцева приводит мнение Кублановского: «Юрий Михайлович охотно откликнулся и в своей чеканной манере прочитал мне: “Обычно в старости начинают подражать своим же стихам, написанным прежде. За примерами далеко ходить не надо – вспомним ‘Вечерние огни’ Фета. А Олегу Чухонцеву – сужу по его последним книгам – удастся сбересть и даже приумножить лирическую энергетику. Многие его стихи и строфы вызывают неподдельную радость знакомства именно с новой поэзией...”» [Крючков 2018: 8].

Симптоматичен и такой факт: итоговые собрания стихов оба автора выпустили практически одновременно в 2019 [Чухонцев] и 2020 гг. [Кублановский 2020а; Кублановский 2020б; Кублановский 2020в].

Вместе с тем Чухонцев и Кублановский уникальные художники, а их литературные биографии и социокультурные позиции имеют очевидные различия.

Чухонцев не был членом никаких групп, Кублановский в юности входил в неформальное объединение «СМОГ» («Смелость, Мысль, Образ, Глубина» или «Самое молодое общество гениев», 1965–66), включавшее В.Д. Алейникова, Л.Г. Губанова, Э.В. Лимонова, А.Л. Величанского, Б.В. Дубина, Сашу Соколова и других. Чухонцев никогда не занимался политикой, Кублановский был близок движению диссидентов, подвергался преследованиям советских властей и в конце концов вынужден был эмигрировать (1982–1990), а затем при первой же возможности вернулся на родину. В судьбе Чухонцева с 1968 по 1976 гг. был период травли в печати и следовавшего за нею вынужденного поэтического молчания, но отъезда из страны не было. Кублановский всегда был откровенно религиозен и в жизни, и в творчестве, Чухонцев предпочитает не демонстрировать свою конфессиональную принадлежность. Наконец, существуют и собственно поэтические несходства: Кублановский преимущественно монологичен, Чухонцев полифоничен, жанровый фундамент поэзии Кублановского – элегия, Чухонцева – эпос, вследствие чего первый тяготеет к малым формам, второй к крупным.

Поэзия Чухонцева привлекает живой интерес критики [Губайловский; Дозморov; Иванова; Роднянская; Шайтанов] и в последние годы все активнее исследуется филологами [Козлов; Козлов, Мирошниченко; Левицкая; Остапенко; Рыбальченко; Рябцева; Саломатин; Скворцов 2015; Скворцов 2018]. Творчество Кублановского попадало в фокус внимания критики в меньшей степени [Васильцов; Крючков 2012, Козлов, Кублановский] и до сих пор ощутимо недостаточно исследовано литературоведением. По сути, за исключением работ С.С. Калинина, посвященных преимущественно тематике, мотивам и религиозно-философским основам творчества Кублановского [Калинин 2013а, Калинин 2013б], системных исследований его поэтики нет.

В рамках статьи, посвященной сопоставлению относительно изученного и малоизученного авторов следует особенно тщательно выбрать угол зрения на второго, причем так, чтобы его можно было методологически корректно сравнить с первым. Можно начать с лексики, фразеологии и синтаксиса – как давно отмечено, по широте и оригинальности словаря, а также гибкости интонации у Кублановского мало конкурентов в русской поэзии второй половины XX в. Можно начать с метрико-ритмического уровня – Кублановский необычайно изобретателен и оригинален и в этом. Можно сосредоточиться на визуальной стороне его поэтического

дарования – профессиональный художник, Кублановский мастерски переносит приемы живописи в свою лирику. Все перечисленное – важные составляющие его поэтики, но все же, углубляясь в любую из них, исследователь рискует утратить образ целого, «за деревьями не увидеть леса». В ситуации, когда поэзия столь высокого уровня аналитически изучена слабо, имеет смысл начать первое приближение к ней с описания общих принципов поэтики, а затем уже по мере возможности сосредотачиваться на частностях. В этом отношении наиболее перспективным видится обращение к композиционному уровню лирического текста.

Прежде чем перейти к конкретным примерам, позволим себе, чуть отклонившись от темы работы, полемическое суждение общего характера.

В последние два десятилетия и поэты, особенно начинающие, и исследователи поэзии по разным причинам при обращении ко взятому по-отдельности стихотворному тексту все меньше уделяют внимания проблеме композиции. Конечно, интерес к метрике, к звуковой организации поэзии, к поэтической фразеологии или образности и мотивике, по-прежнему остается сущностно важным, но пренебрежение композиционным уровнем не позволяет охватить мысленным взором текст как целое. А зрелость и мастерство автора выражаются именно в умении создать поэтическое единство, где все части взаимообусловлены и гармонически связаны.

Рассмотрим, как Чухонцев и Кублановский работают с композицией, взяв для этого стихи, отвечающие нескольким параметрам: средний объем текста, приблизительно общее время создания и сходство тематики. Это «Пересохшая старица, староречье...» (2015) Чухонцева и «Ассирийка чистила мне ботинки...» (2006) Кублановского:

Пересохшая старица, староречье,
растрескавшаяся земля
и следы – ни заячьи, ни овечьи,
а какого-то аиста-журавля,
по пути слетавшего на поживу,
но вода ушла и лягушек нет,
как палить холостыми – ступать по илу
или стих бормотать об ущербе лет.

Не ходи по старым следам – другое,
все другое тут, отшумел камыш,
отшумел и сторел, никто ни ногою
никогда сюда, стой на чем стоишь,
как в игре – замри! – до дождей хотя бы,
до снегов, а там и зима пройдет,
и услышишь марьяжную песню жабы,
потому что весной вся тварь поет.
[Чухонцев 2019: 504]

Ассирийка чистила мне ботинки,
доводя бархоткою их до блеска.
А теперь в холодной ее кабинке
никого, зашторена занавеска.

Между тем, чем более я старею,
чем охотней тянет присесть на лавку
и прочистить горло, схватясь за шею,
тем верней дела идут на поправку.

На Тверском раскалились под снегом листья.
Отразились сумерки на сетчатке.
...А тогда на скрюченные на кисти
натянула нитяные перчатки

и баском рассказывала: мол, с братом
(мимо шли богемной гурьбой студийцы
в состоянье, видимо, чуть поддатом) –
мы в Москве последние ассирийцы.
[Кублановский 2020в: 275].

Два стихотворения неявно объединены темой «поэт и поэзия». Неявно – поскольку, на первый взгляд, у обоих современников речь идет о другом. Однако пристальное прочтение позволяет выявить скрытые смыслы поэтических посланий.

Текст Чухонцева, по типу стиха представляющий собой четырехиктный дольник (с тяготением к анапесту), отчетливо разделен на две композиционные части. В первой дается как будто бы объективистская природная картина, где нет явного лирического субъекта, а точка зрения, с которой все описывается, намеренно несфокусирована. Кто наблюдает унылый, высохший и вытоптаный пейзаж – некий охотник?.. Неизвестно. Во второй части возникает неожиданная

смена исходной позиции речи, и грамматически возникает второе лицо, «ты». Становится очевидно, что это обращение к самому себе и заклинание не ходить торными путями, не повторять пройденное, в том числе – не писать по-старому, причем достичь обновления можно только через трудности, страдания, а в предельном случае даже через смерть.

На первый взгляд, две части не очень связаны друг с другом и переход от «природной» темы к рефлексиям художника выглядит чересчур резким. Это, однако, не так. Крутой смысловой поворот (от материи к духу, от вещи к слову) подготовлен не только сравнением «как палить холостыми – ступать по илу / или стих бормотать об ущербе лет», но и первой строкой, где лексема «староречье» в полном согласии с принципами контекстуальной языковой игры, важными для Чухонцева с самых его ранних сочинений, означает не только «прежнее русло реки», но и «старая, отжившая свое поэтическая речь». Таким образом, получается, что жанрово перед нами едва ли не молитва, но необычная: мольба художника избежать закоснения, готовность застыть на какое-то время в анабиозе (замри = умри) и воскреснуть обновленным.

Стихотворение Кублановского устроено более прихотливо и по стиху, и по композиции. Тип стиха здесь довольно редкий – это силлабо-тоническая комбинаторика. Все строки сложены из четырех стоп, три из которых относятся к разным метрам: анапест,

амфибрахий, ямб и вновь амфибрахий. Общая схема распределения ударений такова:

| ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ |.

В композиционном же отношении внешне соответствуя принципам кольцевой композиции («ассирийка» и «ассирийцы» начинают и завершают текст), стихотворение ведет два сложно переплетающихся внутренних сюжета. Один про явно отделенного от автора персонажа, второй про лирического героя. Интересно, что на пространстве шестнадцати строк автор художественно эффектно успевает наделить и ассирийку, и альтер эго индивидуальными портретными чертами: в частности, первая говорит баском, второй прочищает горло. Мотив этот несомненно аллюзивный и имеет прямое отношение к теме «поэт и поэзия»: «Стихи Пастернака почитать – горло прочистить, дыхание укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть целебны для туберкулеза. У нас сейчас нет более здоровой поэзии» [Мандельштам: 209–210]. Здесь дается намек на то, что поэт начала XXI-го столетия наследует «соловью» XX-го.

Аллюзии этим не исчерпываются. Броские «ассирийцы» в новой и новейшей русской поэзии вообще встречаются исчезающе редко, и Кублановский не мог не учитывать строки А.А. Тарковского из стихотворения «В музее» (1960): «Это не мы, это они ассирийцы, / Жезл государственный бравшие

крепко в клешни, / Глинобородые боги-народоубийцы, / В твердых одеждах цари – это они!» и т. д. [Тарковский: 91]. У Кублановского редкая лексема используется в символическом смысле, прямо противоположном тексту предшественника: ассирийцы здесь не что иное как последние могикане, исчезающий вид, уходящая натура. Лирический субъект солидаризируется с малым этносом, в финальной строке изящно «подменяя» тему. Оказывается, стихотворение не только и не столько об экзотическом для российских широт народе, сколько о мастодонтах, мастерски владеющих секретами исчезающих ремесел.

Именно финал стихотворения Кублановского разъясняет композиционную «странность» – казалось бы, излишнюю вставку с упоминанием неких студийцев навеселе, молодых участников поэтической студии. Это тонкое противопоставление «нас» и «их», старой поэтической гвардии и новейших легкомысленных литераторов, даже не догадывающихся о существовании чего-то значительного рядом с ними. Вообще же весь внешне реалистический предметный ряд «Ассирийки...» символичен: например, выражение «задернута занавеска» можно толковать и в значении «занавес опущен, представление окончено».

Итак, мы видим общие принципы создания поэтической ткани и выстраивания композиции, которым следуют два современника, два

выдающихся художника слова: гармоничный баланс между искусно прописанной внешней конкретикой и вторым, символическим планом, когда, говоря об одном предмете, поэт подразумевает и другой, сложность подтекста, неочевидность и многосоставность мысли, приводящей не менее чем к двум-трем эффектным семантическим поворотам в одном произведении среднего объема.

Чухонцев и Кублановский – поэты мысли по преимуществу. Именно богатая мысль движет стих и естественным образом выстраивает композицию произведения. Оба мастера демонстрируют чудеса высшего поэтического пилотажа, даря современному читателю образцы подлинной поэзии, вполне традиционной по своим целям и всякий раз новой по своему воплощению.

Литература

Васильцов, И. Между родиной и судьбой (о трехтомнике «Стихотворений» Юрия Кублановского) // Новый мир. 2023. № 2. С. 191–198.

Губайловский, В.А. Треснувший образец // Дружба народов. 2001. № 10. С. 169–172.

Дозморов, О.В. Скрытый новатор // Prosodia. 2016. № 5. С. 55–58.

Иванова, Н.Б. Русский европеец // Знамя. 1998. № 5. С. 217–219.

Калинин, С.С. (2013а) Лирическое пространство поэзии Юрия Кублановского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Калинин, С.С. (2013б) Своеобразие поэтического мышления Юрия Кублановского // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М.: МГОУ. 2013. № 2. С. 46–49.

Козлов, В.И. Внутренние пейзажи Олега Чухонцева // Новый мир. 2008. № 3. С. 158–173.

Козлов, В.И., Мирошниченко, О.С. Жанровое самообретение Олега Чухонцева // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 89–117.

Козлов, В.И., Кублановский, Ю.М. «Мировоззрение поэта – важная составляющая настоящей поэзии». Разговор с поэтом Юрием Кублановским // Prosodia. 2018. № 8. С. 111–122.

Крючков, П.М. За старшего // Литературная газета. 7–13 марта 2018. № 10 (6634). С. 8.

Крючков, П.М. Эхо «Переключки» // Кублановский, Ю.М. Переключка. М.: Время, 2012. С. 100–108.

Кублановский, Ю.М. (2020а). Стихотворения. В 3 кн. Кн. 1: Родная речь. С последним солнцем. М.: Русский путь, 2020.

Кублановский, Ю.М. (2020б). Стихотворения. В 3 кн. Кн. 2: Песни великого карантина. Чужбинное. М.: Русский путь, 2020.

Кублановский, Ю.М. (2020в). Стихотворения. В 3 кн. Кн. 3: В световом году. Долгая переправа. Невидимый перекресток. М.: Русский путь, 2020.

Левицкая, Н.Е. Образный уровень картины мира автора в пейзажном дискурсе Олега Чухонцева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. Выпуск № 2. Т. 22. С. 148–152.

Мандельштам, О.Э. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990.

Остапенко, И.В. Экзистенциальные поиски Олега Чухонцева // Вопросы русской литературы. 2015. № (4) 34. С. 69–92.

Роднянская, И.Б. Движение литературы. В 2 тт. Т.2. М.: Знак, Языки славянских культур, 2006. С. 214–228.

Рыбальченко, Т.Л. Провинция как метафора развоплощения в лирике О. Чухонцева // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе. Сборник научных статей / отв. ред. Е.Н. Эртнер. Тюмень: Печатник, 2008. С. 231–242.

Рябцева, Н.Е. Пространство Логоса в поэзии Олега Чухонцева 1990–2000-х годов // Проблемы современного филологического образования. Межвузовский сборник научных статей / сост. и ред. А.Д. Дейкина и др. Выпуск 7. Москва-Ярославль: Ремдер, 2007. С. 67–70.

Саломатин, А.В. «Общее фото» О. Чухонцева: портрет поколения // Филология и культура. 2014. № 3. С. 173–176.

Скворцов, А.Э. О поэзии Олега Чухонцева // Скворцов, А.Э. Поэтическая генеалогия: исследования, статьи, эссе и критика. М.: ОГИ, 2015. С. 167–315.

Скворцов, А.Э. Бесконечность фрагмента // Новый мир. 2018. № 8. С. 189–194.

Скворцов, А.Э. «Но мир мой ширится, как волны...»: О поэзии Владислава Ходасевича. М.: ОГИ, 2021.

Тарковский, А.А. Собрание сочинений. В 3 тт. Т.1. М.: Художественная литература, 1991.

Чухонцев, О.Г. и звук и отзвук: из разных книг. М.: Рутения, 2019.

Шайтанов, И.О. Эффект целого: поэзия Олега Чухонцева // Арион. 1999. № 4. С. 73–79.

References

Chuxoncev, O.G. (2019). *I zvuk i otzvuk: iz raznyx knig* [Both sound and echo: from different books]. Moscow: Ruteniya.

Dozmorov, O.V. (2016). Skrytyj novator [The unidentified innovator]. *Prosōdia*, 5, 55–58.

Gubajlovskij, V.A. (2021). *Tresnuvshij obrazecz* [Cracked sample]. *Druzhba Narodov* [Friendship of Peoples], 10, 169–172.

Ivanova, N.B. (1998). Russkij evropeecz [The Russian European]. *Znamya* [Banner], 5, 217–219.

Kalinin, S.S. (2013a). *Liricheskoe prostranstvo poezii Yuriya Kublanovskogo* [The lyrical space of Yuri Kublanovsky's poetry] (Doctoral Dissertation, Moscow State Region University, Moscow).

Kalinin, S.S. (2013b). *Svoeobrazie poeticheskogo myshleniya Yuriya Kublanovskogo* [The originality of Yuri Kublanovsky's poetic thinking]. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya"* [Bulletin of Moscow State Region University. The series "Russian Philology"], 2, 46–49.

Kozlov, V.I. (2008). Vnutrennie pejzazhi Olega Chuxonceva [Oleg Chukhontsev's inner landscapes]. *Novyy Mir* [New World], 3, 158–173.

Kozlov, V.I., & Miroschnichenko, O.S. (2015). Zhanrovoe samoobretenie Olega Chuxonceva [Oleg Chukhontsev's genre self-discovery]. *Voprosy Literatury* [Problems of Literature], 5, 89–117.

Kozlov, V.I., & Kublanovskij, Yu.M. (2018). “Mirovozzrenie poeta – vazhnaya sostavlyayushaya nastoyashhej poezii”. Razgovor s poe`tom Yuriiem Kublanovskim [“The poet's worldview is an important component of real poetry”. Conversation with the poet Yuri Kublanovsky]. *Prosodia*, 8, 111–122.

Kryuchkov, P.M. (2012). Exo “Pereklichki” [Echo of “Roll Call”]. In Kublanovskij Yu.M., *Pereklichka* [Roll call]. Moscow: Vremya, 100–108.

Kryuchkov, P.M. (2018). Za starshego [For the elder]. *Literaturnaya Gazeta* [Literary Newspaper], 10 (6634), 8.

Kublanovskij, Yu.M. (2020a). *Stixotvoreniya. V 3 kn. Kn. 1: Rodnaya rech`. S poslednim solncem* [Poems. In 3 books. Book 1: Native speech. Happy last sun]. Moscow: Russkij put`.

Kublanovskij, Yu.M. (2020b). *Stixotvoreniya. V 3 kn. Kn. 2: Pesni velikogo karantina. Chuzhbinnoe* [Poems. In 3 books. Book 2: Songs of the great quarantine. Foreign]. Moscow: Russkij put`.

Kublanovskij, Yu.M. (2020c). *Stixotvoreniya. V 3 kn. Kn. 3: V svetovom godu. Dolgaya perepra-*

va. Nevidimyj perekryostok [Poems. In 3 books. Book 3: In a light year. It's a long ferry ride. The Invisible Crossroads]. Moscow: Russkij put`.

Leviczkaya, N.E. (2016). Obraznyj uroven` kartiny mira avtora v pejzazhnom diskurse Olega Chuxonceva [The figurative level of the author's worldview in Oleg Chukhontsev's landscape discourse]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], 2(22), 148–152.

Mandel`shtam, O.E. (1990). *Sochineniya: V 2-t. T.2.* [Works: In 2 volumes] (Vol. 2). Moscow: Xudozhestvennaya literatura.

Ostapenko, I.V. (2015). Ekzistencial`nye poiski Olega Chuxonceva [The existential quest of Oleg Chukhontsev]. *Voprosy Russkoj Literatury* [Questions of Russian Literature], 434, 69–92.

Rodnyanskaya, I.B. (2006). *Dvizhenie literatury. V 2 tt. T.2.* [The movement of literature. In 2 volumes] (Vol. 2). Moscow: Znak, Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 214–228.

Rybal`chenko, T.L. (2008). Provinciia kak metafora razvoploshheniya v lirike O. Chuxonceva [Province as a metaphor of disincarnation in O. Chukhontsev's lyrics]. E.N. Ertner (Ed.), *Regional`nyj literaturnyj landshaft v russkoj perspektive. Sbornik nauchnyx statej* [Regional literary landscape in the Russian perspective. Collection of scientific articles]. Tyumen`: Pechatnik, 231–242.

Ryabceva, N.E. (2007). Prostranstvo Logosa v poezii Olega Chuxonceva 1990–2000-x godov [The space of Logos in Oleg Chukhontsev's po-

etry of the 1990s and 2000s]. A.D. Deikina, et. al (Eds.), *Problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya. Mezhvuzovskij sbornik nauchny`x statej. Vypusk 7* [Problems of modern philological education. Interuniversity collection of scientific articles. Issue 7]. Moscow–Yaroslavl: Remder, 67–70.

Salomatin, A.V. (2014). “Obshhee foto” O. Chuxonцева: portret pokoleniya [“General photo” by O. Chukhontsev: portrait of a generation]. *Filologiya i Kul`tura* [Philology and Culture], 3, 173–176.

Shajtanov, I.O. (1999). Effekt celogo: poeziya Olega Chuxonцева [The effect of the whole: the poetry of Oleg Chukhontsev]. *Arion*, 4, 73–79.

Skvorczov, A.E. (2015). O poezii Olega Chuxonцева [On the poetry of Oleg Chukhontsev]. In A.E. Skvorczov, *Poeticheskaya genealogiya: issledovaniya, stat`i, esse i kritika* [Poetic genealogy:

research, articles, essays and criticism]. Moscow: OGI, 167–315.

Skvorczov, A.E. (2018). Beskonechnost` fragmenta [The infinity of a fragment]. *Novyj Mir* [New World], 8, 189–194.

Skvorczov, A.E. (2021). “No mir moj shiritsya, kak volny...”: O poezii Vladislava Xodasevicha [“But my world is spreading like waves...”: On the poetry of Vladislav Khodasevich]. Moscow: OGI.

Tarkovskij, A.A. (1991). *Sobranie sochinenij: V 3-x t. T.1.* [Collected works: In 3 volumes] (Vol. 1). Moscow: Xudozhestvennaya literatura, 462.

Vasil`czov, I. (2023). Mezhdru rodinoj i sud`boj (o tryoxtomnike “Stixotvorenij” Yuriya Kublanovskogo) [Between the motherland and fate (on the three-volume “Poems” by Yuri Kublanovsky)]. *Novyj Mir* [New World], 2, 191–198.

Для цитирования: Скворцов, А.Э. Социокультурные и эстетические позиции О.Г. Чухонцева и Ю.М. Кублановского: различия и точки соприкосновения // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 3. С. 76–89. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-3-76-89

For citation: Skvortsov, A.E. (2025). Sociocultural and aesthetic positions of O.G. Chukhontsev and Yu.M. Kublanovsky: differences and points of contact. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (3), 76–89. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-3-76-89

SOCIOCULTURAL AND AESTHETIC POSITIONS OF O.G. CHUKHONTSEV AND YU.M. KUBLANOVSKY: DIFFERENCES AND POINTS OF CONTACT

Artem E. Skvortsov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature and Teaching Methods at the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia), e-mail: bireli@inbox.ru

Abstract. The article provides an overview of selected socio-cultural and aesthetic premises for Russian poetry in the 2010s and 2020s. The stances of two major modern Russian poets, O.G. Chukhontsev (b. 1938) and Yu.M. Kublanovsky (b. 1947), are considered against the background of the forthcoming trends. The key problems of modern Russian poetry are the disintegration of cultural space and the deprofessionalization of a significant part of the writers. People who practice poetry are divided into heterogeneous closed groups. They gather around magazines, publishing houses, festivals, creative unions, online resources, blogs, etc. As a result, a shared literary space breaks up into fragments that are loosely connected with each other. At the same time, the trend towards literary dilettantism is increasing in the era of digitalization. Most of beginners in poetry do not know the oeuvres of their predecessors well, are poorly versed in the history of literature and write primitively, not striving for aesthetic perfection. Some not numerous authors, which consciously overcome the fragmentation of the Russian poetic space, act as intermediaries between the previous tradition and the current dramatic state of culture. Their work meets a number of criteria: awareness of the value of tradition, a high level of poetic culture, responsible attitude to creativity, setting complex aesthetic tasks, etc. O.G. Chukhontsev and Yu.M. Kublanovsky are considered as illustrative examples of this kind of authors in the article. The common features of the literary biographies and poetics of these two poetic masters are compared. Despite the fact that the creative paths of the poets intersected, and their socio-cultural positions have significant points of contact, these two figures have never been compared in literary criticism. Apart from that, analysis of two works by the authors, which are united by shared themes and issues, is given.

Key words: O.G. Chukhontsev, Yu.M. Kublanovsky, tradition, poetics, composition, allusions, hidden meaning

